

ВВЕДЕНИЕ СТЕКЛЯННЫЙ САРКОФАГ

Таких похорон мир еще не видел: никогда раньше в одной могиле не хоронили останки столь большого количества людей. Эти похороны состоялись 26 июня 1949 года. Начались они в Тель-Авиве.

В Большой синагоге воцарилась атмосфера почти нестерпимого ужаса; в толпе, собравшейся на улице, раздавались истерические вопли. Газеты сообщали, что на похороны пришли десятки тысяч людей, и описывали душераздирающие сцены. Раздавались крики «Папа!», «Мама!». Люди падали в обморок. В толпе были и маленькие дети.

В главном зале синагоги поставили стеклянный саркофаг длиной полтора метра, а в нем – тридцать фарфоровых урн в голубую и белую полоски. Газеты писали, что в урнах был прах двухсот тысяч евреев, убитых во время Холокоста. На церемонии присутствовали мэр города, видные общественные деятели и раввины. После речей и молитв саркофаг погрузили на полицейскую машину и повезли по улицам города. Машина с трудом прокладывала путь через толпу. Везде, где она проезжала, люди закрывали магазины и мастерские, выстраивались вдоль дороги и стояли в скорбном молчании.

Из Тель-Авива саркофаг направился в Реховот, где жил президент Хаим Вейцман. Занятия в школах были отменены; учеников отправили смотреть на траурный кортеж. Престарелый, тщедушный и почти слепой Вейцман сказал всего несколько слов, после чего саркофаг повезли в Иерусалим. У въезда в город его ожидали тысячи плачущих людей. Некоторые из них принесли с собой куски

мыла. Они ошибочно считали, что оно сделано из жира погибших евреев, и хотели похоронить его вместе со стеклянным саркофагом на кладбище Сангедрия, рядом со склепами, высеченными в скале две тысячи лет назад.

Человека, по инициативе которого эти исторические похороны были организованы, звали Симон Визенталь. Ему был тогда сорок один год. После освобождения из австрийского концентрационного лагеря Маутхаузен он жил в расположенном поблизости городе Линце и занимался поиском нацистских преступников. Прах погибших был собран по его же инициативе в концлагерях и других расположенных в Австрии местах заключения.

«Стеклянный саркофаг, – писал он впоследствии, – превратился вдруг в некое подобие зеркала, в котором отражалось множество лиц: товарищей по гетто, друзей из концентрационных лагерей, людей, забитых насмерть, умерших с голоду, загнанных на колючую проволоку, по которой шел ток. Я видел страх на лицах евреев, которых кнутами и палками гнали в газовые камеры звери в человеческом обличье, лишенные совести и чувств и не желавшие услышать их единственную мольбу: позволить им жить».

К тому времени Визенталь уже был знаком с несколькими израильтянами, но его самого в Израиле знали немногие. Мэр Тель-Авива, Исраэль Рокеах, тоже не знал, кто такой Визенталь, когда несколькими месяцами ранее тот прислал ему письмо на идише. Судя по всему, решительный тон Визенталья произвел на Рокеаха впечатление. Визенталь писал, что австрийская Организация бывших узников концлагерей «решила» перенести в Израиль прах святых и «решила» удостоить мэрию Тель-Авива чести этот прах принять. Это не было похоже на вопрос, просьбу или предложение; это звучало почти как приказ. Отказаться было невозможно, и Рокеах написал в ответ, что Тель-Авив примет урны с прахом со «священным трепетом», хотя на самом деле понятия не имел, что с ними делать.

Геноцид евреев тревожил многих жителей Израиля и причинял им боль. Впервые прах, привезенный из польского лагеря смерти, был захоронен в Палестине уже в 1946 году. Тем не менее даже в 1949 году никто толком не знал, как

следует оплакивать шесть миллионов погибших и как увековечивать их память. Закон о предании суду нацистов и их пособников приняли лишь через год после этого, общенародный день памяти жертв Холокоста был установлен через два года, а закон о создании государственного мемориала «Яд-Вашем» появился только через пять лет.

Когда Визенталь приехал в Израиль, тему Холокоста все еще окутывало глухое молчание: родители не рассказывали своим детям о том, что с ними случилось, а дети не осмеливались их спрашивать. Люди, пережившие Холокост, вызывали страх, отчуждение, стыд, чувство вины, и с ними было нелегко. Как жить в одном доме с такими соседями? Как с ними работать? Как ходить с ними на пляж или в кино, влюбляться в них, вступать с ним в брак? Как относиться к их детям в школе? Вряд ли существовала еще одна страна, которой пришлось пережить более тяжелую и болезненную встречу с «другими», как будут говорить позднее.

Многие израильтяне, поселившиеся в стране еще перед Второй мировой войной или же в ней родившиеся, относились к жертвам Холокоста и к тем, кто его пережил, с долей высокомерия. В их глазах эти люди были не только выходцами из еврейской диаспоры, которую они презирали, но и полной противоположностью «новым евреям», которых сионисты предполагали вырастить в Палестине. Жертв Холокоста осуждали за то, что они не переехали в Палестину, а остались жить в своих странах, покорно дожидаясь, пока их убьют, и презирали за слабость, поскольку большинство из них с нацистами не сражались и – как тогда было принято говорить – шли на смерть, «как скот на убой». В результате многие из уцелевших не встретили в Израиле ни сострадания, ни жалости, ни готовности их выслушать, а когда они все-таки рассказывали о пережитом, им часто не верили.

Между тем спасшимся от истребления людям было что сказать израильтянам. Они часто спрашивали, почему сионистское движение не приложило достаточных усилий, чтобы спасти их от нацистов, и уже сам по себе этот вопрос содержал ужасное обвинение, тем более что вожди сионизма свое бездействие объяснить затруднялись. Но рядом с этим вопросом в воздухе витал и еще один, более неприят-

ный, а именно: в какой степени они интересовались судьбой евреев Европы вообще? Многие из уцелевших были потрясены, когда узнали, что большую часть войны евреи Америки и Палестины жили довольно беззаботной жизнью. Сообщения об истреблении евреев интересовали их не слишком и привычного течения жизни не нарушали.

Визенталь рассказал однажды, что вскоре после окончания войны раздобыл несколько издававшихся в Америке еврейских газет, а также газеты, вышедшие в Палестине летом 1943 года, когда он сидел в концлагере. «То, что я прочел, – пишет он, – подействовало на меня угнетающе». В газетах рассказывалось о повседневной жизни еврейских общин, политике, экономическом процветании, культуре, развлечениях, семейных торжествах, а об убийстве евреев в Польше упоминалось лишь изредка, как правило на основании новостей Би-би-си. В газетах из Палестины ему попались крупные заголовки, посвященные арабам, напавшим на какой-то кибуц и убившим две коровы, но рассказ добравшегося до Палестины беженца о том, что творилось в Польше, был «задвинут» на седьмую страницу. «И я, – пишет Визенталь, – спросил себя: а являемся ли мы до сих пор одним народом?»

В 1946 году он присутствовал на Сионистском конгрессе, впервые после войны созванном в Базеле, и там ему пришло в голову, что лидеров сионистского движения следует судить, подобно тому как в Нюрнберге судили главарей нацистского режима. «Я, – пишет он, – всматривался в лица наших “лидеров”, так мало сделавших для спасения евреев... И тогда я сказал своему приятелю то, чего не решался сказать при всех: нам не помешал бы наш собственный Нюрнбергский процесс над всеми теми, кто не выполнил своего долга по отношению к нам, нашим родственникам и ко всему еврейскому народу в целом». Он имел в виду, в частности, Бен-Гуриона. Привезя прах убитых для захоронения в Иерусалиме, Визенталь потребовал от израильтян отнестись к Холокосту всерьез, как он будет требовать этого впоследствии от других стран мира.

Поначалу учреждения и чиновники, которые должны были принимать участие в организации похорон, восприняли идею Визенталья как досадную «головную боль», но он не отступал.

Сначала он написал в «Яд-Вашем». Однако в те дни это была всего лишь небольшая частная организация, ютившаяся в трех комнатах и с трудом оплачивавшая аренду помещения. «Мы, – ответили Визенталю сотрудники “Яд-Вашем”, – сожалеем, но пока наша организация не может принять этот священный дар». Тогда он обратился в мэрию Тель-Авива. Руководство «Яд-Вашем» сначала с этим согласилось, но вскоре передумало и потребовало захоронить стеклянный саркофаг в Иерусалиме. Визенталь не возражал. «Мы, – написал он, – считаем, что по политическим и национальным причинам должны в данный момент стремиться к концентрации в Иерусалиме всего, что символизирует связь между диаспорой нашего народа и Израилем».

Теперь следовало решить, кто будет проект финансировать. Визенталь пообещал мэру Рокеаху, что организация, которую он представлял, возьмет все расходы по пересылке на себя, но попросил оплатить билеты на самолет для него самого и его сопровождающего, а также их пребывание в Израиле в течение десяти дней. «Яд-Вашем» ответил, что у него нет денег. За этим последовала длительная переписка, продолжавшаяся восемнадцать месяцев. В истории Израиля это был период драматический и кровавый. В промежутке между первым письмом Визенталья в «Яд-Вашем», написанным в январе 1948 года, и похоронами в Палестине произошла Война за независимость и возникло Государство Израиль. У страстного коллекционера марок Визенталья родилась идея: пусть, предложил он, израильская почта выпустит в память о Холокосте марки, а доходы от них пойдут на финансирование похорон.

Однако реализация проекта задерживалась не только из-за вопроса о финансировании.

Молодое государство нуждалось в героических символах, и несколько чиновников, занимавшихся данным вопросом, считали, что сначала следует привезти из Вены гроб основателя сионизма Теодора Герцля, а уж потом – прах жертв Холокоста: ведь Герцль символизировал победу, а Холокост – поражение. Так и было сделано.

Кроме того, разгорелся спор, какую роль в захоронении праха погибших в Холокосте должно играть государство и какое участие в этом должен принимать Главный раввинат.

Это был один из тех споров между светскими и религиозными кругами, которые происходят в Израиле постоянно.

Наконец, в связи с этим возник и еще один вопрос: а только ли прах евреев находился в урнах, которые Визенталь предложил захоронить в Израиле, или прах неевреев тоже?

В конце концов терпение Визенталья лопнуло и он послал в «Яд-Вашем» телеграмму, в которой извещал, что направляется в Рим, где собирается сесть на итальянский пассажирский самолет, везет прах с собой и просит подготовить к его приезду все необходимое. Только тогда сотрудники «Яд-Вашем» поспешно создали комиссию, занявшуюся организацией траурной церемонии. Работа комиссии сопровождалась взаимными обвинениями со стороны представителей различных ведомств, и информация об этом попала в газеты. Разразился скандал. Тем не менее в последний момент спикер кнессета все-таки успел вставить в протокол очередного заседания выражение соболезнования от имени правительства, и похороны широко освещались прессой.

Это был первый визит Визенталья в Израиль; он приехал по польскому паспорту. Ему организовали теплую встречу и не досаждали вопросами, которые напрашивались сами собой: где именно прах был собран? как можно доказать, что это действительно прах жертв нацистов? как Визенталь установил, что в концлагерях Австрии было убито именно двести тысяч человек? (Кстати, одна газета, по-видимому, сочла, что двести тысяч – это слишком мало, и написала: «двести пятьдесят».) Пресса была склонна замалчивать и тот факт, что в урнах содержались только символические образцы праха, и писала об этих урнах так, словно в них находился прах всех двухсот тысяч погибших.

Визенталь был очень взволнован. «Я, – пишет он, – шел за саркофагом и вспоминал в этот момент своих близких, товарищей, друзей и всех тех, кто заплатил своей жизнью за один-единственный грех – за то, что они родились евреями. Я смотрел на саркофаг и видел перед собой лицо мамы, каким оно запомнилось мне в тот день, когда я видел ее в последний раз. В тот страшный день, когда я вышел утром из дома и пошел на принудительные работы за пределами гетто, еще не зная, что, когда вечером вернусь, ее уже не будет и я больше никогда ее не увижу».

Захоронение праха жертв Холокоста было для Визенталья лишь первым этапом гораздо более грандиозного плана. Он надеялся построить в память о погибших огромное здание, которое называл «мавзолеем». До нацистской оккупации Визенталь изучал архитектуру. Нарисовав эскиз мемориала, он предложил возвести его в одном из лесов в окрестностях Иерусалима, куда, по его замыслу, следовало перенести и урны с прахом, захороненные в Сангедрии. Он изобразил нечто вроде выложенной мрамором сцены, на которой возвышались две массивные башни – точная копия ворот концлагеря Маутхаузен, – а также каменный купол, под которым располагался круглый зал памяти с черным полом.

Это был первый его проект мирового масштаба. Человек инициативный, уверенный в себе, убежденный в правильности того, что делает, он уже тогда проявил свой врожденный талант к привлечению внимания общества к своим идеям и делам. Прежде чем отправиться в Израиль, он разослал проект мавзолея множеству еврейских организаций и видным еврейским общественным деятелям разных стран. Предполагалось, что этот мавзолей станет также свидетельством того, что в Австрии закрыты все лагеря для перемещенных евреев и их обитатели репатриированы в Израиль.

Многие обещали ему помочь. В апреле 1952 года Визенталь послал свой проект Бен-Гуриону. «Мы, – писал он, – можем собрать требуемую сумму в течение двух лет». Канцелярия премьер-министра вежливо уведомила его, что проект переслали в «Яд-Вашем».

Визенталь не требовал назначить его главным архитектором проекта, но, по-видимому, ожидал, что именно так и будет и если его предложение примут, то он, возможно, покинет Австрию, переедет в Израиль и станет архитектором.

«Шатер памяти», построенный впоследствии в мемориале «Яд-Вашем» в Иерусалиме, напоминает зал памяти, который предлагал возвести Визенталь. Небольшая часть праха, привезенного им для захоронения в Сангедрии, позднее была перенесена в «Шатер памяти», но сам он в этом участия не принимал и архитектурой больше никогда не занимался.

Драма жизни Симона Визенталья погребена в нескольких сотнях кляссеров общим объемом примерно триста ты-

сяч страниц. В этих кляссерах хранятся письма, которые он получал, а также копии писем, написанных им самим за шестьдесят лет деятельности в качестве «охотника за нацистами».

Самые ранние документы в первом кляссере относятся к 1945 году, когда он – ходячий скелет весом в сорок четыре килограмма, – ни на что не надеясь и не зная, куда идти, только что вышел из концлагеря Маутхаузен. А метра в десяти от этого кляссера на той же полке стоит кляссер, относящийся к 80-м годам, и в нем записка: «Дорогой Саймон, береги себя и оставайся счастливым. Я тебя люблю, и ты нам всем нужен. Элизабет Тейлор».

Неутомимый борец со злом, беззаветно преданный защите прав человека, Визенталь сумел стать предметом восхищения для людей из многих стран мира. В голливудских фильмах его изображали культовой фигурой, десятки университетов удостоили его почетного докторского звания, президенты США принимали его в Белом доме, и он получал от всего этого большое удовольствие. Но когда он сказал, что президент Джимми Картер нуждается в нем больше, чем он нуждается в Картере, то был прав. Один из сотрудников Центра Визенталья в Лос-Анджелесе заметил, что, если бы Визенталья не существовало, его следовало бы выдумать, потому что люди во всем мире – как евреи, так и неевреи – нуждались в нем как в символе и источнике надежды. Он бередил их воображение, очаровывал их, увлекал, пугал, пробуждал угрызения совести и дарил утешающую веру в добро. В их глазах он был единственным евреем на земле, взявшим на себя труд позаботиться о том, чтобы даже последний из оставшихся в живых нацистов не умер свободным и беззаботным человеком, ибо еврей Визенталь будет преследовать его, отыщет и приложит все силы, чтобы тот предстал перед судом и понес наказание ради торжества справедливости.

Романтик с невероятно раздутым эго, склонностью к фантазиям и излишней любовью к неприличным анекдотам, «Дон Кихот» и «Джеймс Бонд» в одном лице, он был смелым человеком, который инициировал несколько захватывающих операций. Но несмотря на миф, им же сотворенный, он никогда не руководил всемирной организацией,

занимавшейся поиском преступников, а работал почти в одиночку, в маленькой квартирке, среди кип старых газет и ящиков с пожелтевшими карточками. Это и был тот самый Центр документации, который он основал в Вене. Неподалеку оттуда во время Второй мировой войны стояла роскошная гостиница «Метрополь», где располагалась штаб-квартира гестапо. В кабинете Визенталя висела большая карта с названиями сотен разбросанных по Европе концентрационных лагерей и лагерей смерти. В нескольких из них сидел он сам.

Чтобы раздобыть информацию о нацистских преступниках и их возможном местонахождении, он использовал исторические документы, данные переписи населения и даже телефонные справочники. Эта работа составляла смысл его жизни. Иногда он отправлялся на маленькие разведывательные операции и выуживал информацию у любивших посплетничать соседей, барменов, почтальонов, официантов и болтливых парикмахеров. Один из знакомых сравнил его с незадачливым инспектором Клузо из комедийного кинодетектива «Розовая пантера».

Преклонение Визенталя перед либеральной судебной системой, его умение работать со СМИ и вера в Америку сделали его одним из ярких представителей двадцатого века. Он разработал универсально-гуманистическое понимание Холокоста. В противовес интерпретации Холокоста, которой придерживались израильтяне и еврейский истеблишмент в США, он был склонен видеть в убийстве евреев преступление против человечества в целом и причислял к Холокосту преступления нацистов против других групп населения: неизлечимо больных, цыган, гомосексуалистов и свидетелей Иеговы. Холокост в его глазах был трагедией не только еврейской, но и общечеловеческой.

Гуманизм Визенталя уходил своими корнями в историю его собственной жизни: он был космополитом, жившим в нескольких национальных мирах. Родившись в мире еврейском, он вырос и сформировался в мире австрийском, но при этом одной ногой стоял также в мире израильском, а другой – в американском.

Нередко ему требовалось мужество. Целая комната в его Центре была отведена под папки с письмами, в кото-

рых содержались угрозы и антисемитские оскорбления. Таких папок насчитывалось несколько сотен. Визенталь помечал их буквой «м», то есть «мешугенер» – «сумасшедший» на идише. Однажды он получил письмо, на конверте которого было написано: «Австрия. Еврейской свинье». Он позвонил министру, ведавшему почтой, и спросил, каким образом почтальон узнал, что письмо адресовано ему. Но почтальоны это знали; они всегда знали... Тем не менее Визенталь решил жить в Австрии и связал с этой страной свою судьбу. Объяснить, почему он так поступил, нелегко.

В 1953 году Визенталь узнал – и сообщил об этом израильским властям, – что один из главных нацистских преступников, Адольф Эйхман, скрывается в Аргентине. Через семь лет Израиль направил в Буэнос-Айрес тайных агентов, которые похитили Эйхмана и привезли в Иерусалим. Там он предстал перед судом и был казнен. Участие Визенталя в этой истории сделало его в глазах публики героем, как если бы он поймал Эйхмана собственноручно. Однако некоторые израильтяне ему этого не простили. Один из них сказал, что Визенталь подобен человеку, который просит его подвезти и захватывает машину, а некоторые сравнивали его с легендарным лжецом бароном Мюнхгаузеном. Между тем в течение ряда лет Визенталь состоял на службе в Моссаде.

Он принимал участие в поисках сотен нацистских преступников, и благодаря ему десятки из них были преданы суду и признаны виновными. Его неустанные усилия по их обнаружению и сбору свидетельских показаний достойны изумления – особенно в свете того факта, что большинство виновников чудовищных нацистских преступлений наказания избежали. После поражения Третьего рейха они «смешались с толпой», поселившись в Германии, Австрии и других странах, и ответа за преступления этих людей никто не требовал. Некоторые из них даже преуспевали – в политике, в административных структурах, в судебной системе, в образовательных учреждениях, в бизнесе. Это происходило не только потому, что немцы и австрийцы относились к нацистским преступникам снисходительно, но и из-за «холодной войны».